
Иванушку не стали бить. Патруль сержанта Боброва препроводил его в камеру следственного изолятора, которая обычно пустовала. Заперев клетку, в народе прозванную «обезьянником», команда патрульных отправилась продолжать работу на станции.

Иванушка бездумно измерил камеру быстрыми шагами и уселся на жесткие нары. В голове как обычно была легкая дымка, скрывавшая своим пологом все помыслы и побуждения. Однако всё чаще и чаще на ум приходили разные мысли, касающиеся какого-то важного дела, порученного ему. Что же это? Парень ломал голову, но не мог найти ответа.

Он точно знал, что родился и вырос не на станции «Проспект Вернадского» и не на других станциях республики Университет. С другой стороны, известный ему мир был столь мал, что помыслить о другом месте рождения было весьма проблематично.

От долгих размышлений разболелась голова. Иванушка потер виски, в задумчивости уставившись на слабую лампочку, освещавшую коридор СИЗО. К неприятной боли добавилось чувство тревоги. С каждой минутой оно усиливалось, превращалось в страх.

Входная дверь скрипнула, пропуская в помещение пожилого пузатого человека с красным лицом. Не обращая никакого внимания на задержанного, он уселся за стол и достал из ящика пустые бланки.

– Кто это тут у нас? – сощурившись, он пытался разглядеть Иванушку. – Ни черта не вижу!

Он пошарил по карманам, отыскав небольшой кожаный футляр. Там оказались очки в роговой оправе, перемотанные изолентой.

– А, это ты, Иван, – произнес он, водрузив очки на нос. – Я не вижу ничего. Сколько раз говорил Демьяненко заменить лампочку. И что ты думаешь? – пузатый уставился на парня, словно ожидая ответа. – Естественно этот оглоед говорит, что заменит. Так нет, сколько уже твержу, а он не меняет.

Человек был противен Иванушке, но приходилось сидеть тихо, чтобы не усугублять положение.

– Мне говорят, Василич, мол, зайди в СИЗО, оформи задержанного, – продолжил милиционер. – Прихожу, а тут ты сидишь. Ну, на кой хрен они тебя задержали?! С дурня и взятки гладки. Ладно, порядок есть порядок. Давай я сам на тебя бумаги заполню.

Иванушка промолчал. Приняв молчание парня как согласие, Василич кивнул и принялся за работу. Он мурлыкал себе под нос, старательно выводя слова на бланке протокола задержания.

Страх. То, что испытывал Иванушка, нельзя было назвать иначе. Страх давил волю, рвал крик из глотки. Но парень сидел тихо, крепился изо всех сил, обхватив колени руками.

И когда милиционер спросил:

– Тебе лет сколько?

Иванушка не выдержал и, что было мочи, заорал:

– Вода! Вода! Спасите!

Испуганный Василич отпрянул:

– Ты что орёшь, оглашенный?!

Но Иванушка не унимался и продолжал кричать. Схватив прутья клетки, он начал их трясти. Перепуганный милиционер, зацепив пузом стол, бросился к двери и выскочил вон.

Он вернулся через полминуты с парой дежурных милиционеров, но, ни уговоры, ни угрозы не смогли заткнуть парня, который, похоже, был в состоянии аффекта.

И вдруг...

Стена камеры с треском лопнула, пропуская внутрь поток воды. Крик Иванушки перешёл на визг, когда вода быстро-быстро поднялась, заполняя узкое пространство клетки. Милиционеры с криком и матом принялись шарить по карманам в поисках ключей от клетки. К счастью, они нашлись довольно быстро.

В кабинете начальника милиции станции «Проспект Вернадского» было жарко натоплено. Вовсю старался электрический обогреватель, взятый сталкерами из магазина бытовой техники, выгоняя стыл из тела несчастного Иванушки. Он медленно приходил в себя, прихлёбывая крепкий наваристый чай.

– Всё-таки я не могу понять, – в который раз спросил начальник, ходя из угла в угол. – Как же ты узнал, что прорвало трубу, и образовался плавун? Причем, какой плавун! Ремонтники, вон, до сих пор маются.

– Я не знаю, – тихо ответил парень. – Я почувствовал вдруг нечто.... Какой-то страх... Мне показалось, что я тону в холодной воде, захлёбываюсь и не могу выплыть.

– Так оно и было бы, если ребята с ключами не подоспели.

В кабинете повисла тишина. Иванушка сидел молча и пытался привыкнуть к новизне ощущений внутри. Страх смерти, шок пережитого, высвободили в его мозгу таинственные силы, сбросившие пелену бессознательности.

– Иван, – сказал начальник милиции. – Видишь какая ситуация сложилась. На тебе висит хулиганство и покушение на убийство. Это серьёзное преступление, и ты об этом знаешь. Учитывая твою ценность для общества – не обижайся, будем говорить как есть – тебя ждет принудительная инъекция. Ну, сам знаешь чего.

Он помолчал, давая парню время прочувствовать ситуацию. Тот молчал и внешне никак не реагировал. Милиционер недовольно поморщился, однако продолжил:

– В другое время ты бы пошёл под суд, а потом на укол, но... Считай, тебе сильно повезло. Ты можешь пригодиться нам в одном... очень непростом деле, – он поскреб лысину. – В общем, я распинаться больше не буду. Сейчас вызову конвой, и они тебя отправят на станцию «Университет». А там тебе всё объяснят без меня.

Он крикнул дежурного, и вскоре Иванушка шагал под присмотром двух автоматчиков на перрон.

На станции настала «ночь». Большую часть ламп потушили, а свет тех, что остались, терялся между потолочными балками. Ночная станция, лишённая любопытных глаз, молча провожала небольшой отряд. Иванушка с любовью смотрел на чумазую сине-желтую плитку, и чувствовал, как на глаза навернулись слезы. Почему-то он знал, что сюда не вёрнется.

На путях группу дожидалась дрезина с электроприводом. Это было странно: обычно моторизованные дрезины использовались в исключительных случаях. Наверное, подумалось Иванушке, его по каким-то причинам нужно доставить очень быстро. Обычно путь от станции до станции занимал минимум полдня. Это при условии, что тоннели были чистыми от всякой мрази.

Дрезина внушала уважение и страх. На восьмиколесной станине стояла платформа с высокими стальными стенками. Через бойницу во мглу тоннеля грозно смотрели спаренные дула 22-мм зенитного пулемета. Изнутри стенки обложили старыми бронежилетами, что, конечно же, обеспечивало дополнительную защиту.

Иванушку завели внутрь, жестом указали место в углу. Автоматчики заняли свои позиции, и дрезина тронулась.

Ехали неспешно, чуть быстрее идущего человека. Вот уже скрылся в темноте последний кордон на сотом метре тоннеля, где их пропустили без проволочек. Очевидно, патрульные были предупреждены, кто едет и куда.

Вперёдсмотрящий офицер, освещал дорогу прожектором; его товарищ примостился за зенитным пулемётом, а двое других прикрывали тыл, выставив в бойницы стволы АК-74. Кроме постукивания колес, ни один звук не нарушал подземной тишины. Конвоиры молчали, да Иванушка и не пытался их разговорить. Он молча сидел в углу, подтянув колени к подбородку, слушая тоннель.

Когда строители покинули метротоннель, он зажил своей собственной жизнью. Из пролетающих поездов люди не видели ничего во мраке, кроме гофрированных кабелей на стенах. Самые любопытные замечали в ответвления, уходящие в вечную ночь. Кто знает что там? Разворотные тупики, депо или нечто другое? Загадочное Метро-2, подземные города или хранилища... А может таинственные военные базы, где ещё сохранились остатки цивилизации, системы управления космическими спутниками и ядерным оружием? Возможно, ещё жива высокая правительственная верхушка, по легендам эвакуировавшаяся в первые минуты атомной войны. Она вошла в историю послевоенного метро как Наблюдатели. Это те, кто за грехи блудного народа оставил его и ушёл, чтобы со временем вернуться и принести с собой благоденствие и радость на землю, обожённую войной. В Метро ходило множество легенд...

– Берегитесь, мужики..., – вдруг произнес Иванушка.

Из глубины тоннеля навстречу дрезине потянулись пищащие серые струйки. Они омывали транспорт и, словно ручьи, утекали прочь.

– Крысы! – прошипел вперёдсмотрящий.

Зенитчик навел на кишашую массу стволы грозного оружия, но командир вовремя остановил его:

– Что делаешь, дурила?! – рыкнул он. – Повредишь рельсы и нам каюк!

Солдаты изготвились стрелять, но вскоре стало понятно, что крысам нет никакого дела до людей. Некоторые из них гибли под колёсами дрезины, но стая стремилась уйти дальше от опасного места.

Но людям бежать было нельзя. Вскоре дрезина вкатилась на станцию «Университет».

Леонов Евгений Николаевич

Ноябрь 2007 года